

ТУРКМЕНИСТАН ССР ЫЛЫМЛАР АКАДЕМИЯСЫ

ТАРЫХ, АРХЕОЛОГИЯ ВЕ ЭТНОГРАФИЯ ИНСТИТУТЫ

ТАРЫХ,
АРХЕОЛОГИЯ ВЕ ЭТНОГРАФИЯ
ИНСТИТУТЫНЫҢ
ИШЛЕРИ

VI т.

Этнография сериясы

ТУРКМЕНИСТАН ССР ЫЛЫМЛАР АКАДЕМИЯСЫНЫҢ НЕШИРЯТЫ

Ашгабат 1962

АКАДЕМИЯ НАУК ТУРКМЕНСКОЙ ССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ТРУДЫ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ,
АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

т. VI

Серия этнографическая

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК ТУРКМЕНСКОЙ ССР

Ашхабад 1962

Г. П. ВАСИЛЬЕВА

РАЗЛОЖЕНИЕ ВОДОЗЕМЕЛЬНОЙ ОБЩИНЫ У ТУРКМЕН-НОХУРЦЕВ В КОНЦЕ XIX—НАЧАЛЕ XX ВЕКА

ГЛАВА I

Туркмены-нохурцы¹ живут в Бахарденском и Кара-Калинском районах Туркменской ССР, занимая группу селений среди гор Северного Копет-Дага и в верхней части долины Сумбара по границе с Ираном. Численность их, по примерным данным на 1946 г., составляла 8,5 тыс. человек².

Их главный аул — древняя крепость Нохур — расположен в Бахарденском районе в 43 км на юго-запад от районного центра и в 21 км от ближайшей железнодорожной станции Арчман.

Селение расположено в долине, которая до присоединения края к России была единственным убежищем жителей, в одинаковой степени страдавших от набегов персов, текинцев и иомудов.

С юга от Нохура возвышается плато того же названия площадью около 50 кв. верст с большим количеством источников, возле которых располагаются летовки нохурцев. Плато удобно для богарного земледелия. Долину орошает ручей Сераби (Нохурский ручей), берущий начало в районе источников.

Помимо Нохура, в Бахарденском районе нохурцами заселены еще два небольших по величине селения, расположенных выше в горах (аулы Караул и Койне-Гумме).

¹ Г. П. Васильева. Туркмены-нохурли. Среднеазиатский этнографический сборник. Труды Института этнографии АН СССР, вып. XXI, М., 1954.

² Там же, стр. 88.

Остальные селения нохурцев находятся в долине Сумбара, в Кара-Калинском районе. Они располагаются в следующем порядке; вниз по течению Сумбара—Койне-Касыр (его называют иногда Новым Нохуром в отличие от собственно Нохура, который в этих случаях именуют Старым), Каргли (Каргали), Ходжа-Кала, Куруждей (Круждей, Куруждейн), Оджи, Дузлы-Тепе, Тутлы-Кала¹.

Все нохурские аулы, за исключением Нохура, были заселены недавно, после прихода в область русских.

До этого нохурцы, как уже сказано выше, сосредоточивались в Нохуре и в случае набегов врагов укрывались в цитадели.

Несмотря на сравнительно небольшую величину, территория, занимаемая туркменами-нохурли, разнообразна по своим природным условиям.

Часть селений расположена в горной полосе на высоте 1000—1500 м над уровнем моря (Нохур, Караул, Койне-Гумме), другие аулы в долине Сумбара—на высоте 800—500 м². Аулы Сумбарской долины отделяются от аулов северных склонов Копет-Дага Нохурским плато, являющимся одной из значительных вершин Копет-Дага (1300—1500 м, в западной части до 1959 м—гора Уч-Куи).

Как известно, в Средней Азии огромную роль в жизни населения играет вода для орошения посевных площадей. В этом отношении территория расселения нохурцев благоприятствует не только оседлой жизни, но и интенсивному занятию земледелием³. Склоны Копет-Дага богаты источниками, образующими небольшие речки и ручьи, текущие в оазис или в долину Сумбара.

Южный район нохурских поселений обеспечен водными источниками гораздо лучше, чем северный. Наиболее крупные из них — Пор-Дере, Чокур-юрт, Айы-Дере и другие — впадают в р. Сумбар. Это ущелье выделяется своей богатой естественной растительностью среди окружающих его и аул Нохур безлесных гор.

Северные склоны Копет-Дага, менее богатые ручьями и речками, имеют большое количество родников. Наиболее мно-

¹ Ряд других более мелких нохурских аулов, образованных нохурцами в период их выселения в Сумбарскую долину (см. Указ. соч. автора, стр. 86 и дальше), ныне не существуют. Так, в Нури-Кала ныне располагаются животноводческие фермы колхоза «Захмет» (центр колхоза в Койне-Касыре), селение Айы-Дере, как и все ущелье, входит в состав плодородного совхоза, в котором основное население составляют туркмены-геклены, русские и т. д.

² М. П. Петров. Климатическое районирование Туркмении. Изд. ТФ АН СССР, 1946, № 1, стр. 31, 32, 35.

³ Сравнительно с другими районами Южной Туркмении.

говодные родники, окруженные кустарниками, такие как Уч-гуйы, Совук-сув, Ян-чешме, Ак-булак и другие, служат нохурцам местом летовок. Самые крупные в этом районе ручьи орошают Нохурскую долину. Один из них (Караул или Эвезших) берет начало из источника Реджеб-Кер возле развалин крепости Караул и течет от аула Нохур; другой, более значительный, — Нохур или Сераби — образуется в местности Дегирмен-Дере из источников Серуви и Сумбели, протекая по всей Нохурской долине, в наиболее многоводные годы достигает аула Арчман. Кроме ручья Сераби в Нохурской долине, имеется целый ряд источников, которые используются населением для нужд хозяйства и отчасти для орошения полей.

Возможно, что, благодаря сравнительному обилию источников и ручьев в этом районе, кяризы здесь не имели такого широкого применения, как в оазисе, отчасти их отсутствие объясняется и природными условиями.

Горная полоса Южной Туркмении сравнительно богата древесной растительностью. Основные ее массивы сосредоточены в ущельях, где преобладают лиственные породы.

Горные плато покрыты злаковой растительностью, почвы их приближаются к степному типу, светло-каштановые, довольно рыхлые и богатые перегноем¹.

Нохурли — оседлые земледельцы. Земледелие в их жизни играет главную роль; скотоводство занимает второе место, хотя овцеводство достигло значительного развития.

Земледелие в этом районе имеет очень древнее происхождение. Еще в эпоху Александра Македонского здесь существовала земледельческая культура, и способ орошения земли посредством кяризов был известен уже в то время.

Несмотря на давнишнее знакомство туркмен с земледелием в Южной Туркмении, оно до XIX в. не имело большого значения и даже в оазисе носило подсобный характер. Подлинное развитие земледелия у текинцев относится ко времени после прихода русских, когда прекращение междоусобных войн и аламанов позволило спокойно заняться земледелием.

У нохурцев же и до присоединения Туркмении к России земледелие играло гораздо большую роль, чем у их соседей-текинцев.

Так же, как и родственные им имрелинцы, карадашли и алилинцы, обитавшие в оазисе до поселения в нем текинцев, нохурцы принадлежали к числу тех туркменских племен,

для которых занятие земледелием издавна было основным.

Сам характер поселения этой группы туркмен в долине, данные о несомненно древней культуре виноградарства и садоводства, своеобразные приемы строительной техники, все предания и легенды и целый ряд других данных говорят о том, что племя нохурли формировалось как таковое вокруг оседлого ядра.

В земледелии нохурли первое место занимает полеводство, затем виноградарство и садоводство; в последнее время усилилось значение огородничества.

Все земли, находившиеся во владении нохурли, издавна делились на поливные и богарные (под дождь).

Поливные земли расположены в Нохурской долине, вокруг аулов Караул и Койне-Гуммес и аулов Сумбарской долины. Богарные — на Нохурском горном плато.

Поливные земли заняты виноградниками, садами и огородами, иногда на землях, отведенных под огороды, сеется пшеница. На богаре основной культурой являются зерновые.

Первое место в скотоводстве у нохурцев занимает мелкий рогатый скот, второе — верблюды, ишаки, лошади и, наконец, — крупный рогатый скот. Продукты скотоводства занимают в экономике нохурли значительное место и этим объясняется такой интересный обычай, сохранившийся до наших дней, как летние перекочевки населения со скотом в горы.

Одна из наиболее характерных особенностей туркменского общества — более прочное и действенное, чем у других народов Средней Азии, сохранение родовой организации — объяснялось именно отсутствием государственной власти. Функции государства по защите общества от внешних врагов и сохранению внутреннего порядка были возложены на род и племя.

Туркменский род был формой организации общества, в течение последних веков уже классово дифференцированного; эксплуатация членов рода их богатыми сородичами прикрывалась формой внутривидовых отношений.

Еще одна, пожалуй, не менее важная функция рода, у других народов принадлежащая государству, заключалась в организации общества для разработки и постоянного поддержания водной сети.

Нохурли так же, как и другие туркменские племена, почти до наших дней сохраняли свою родоплеменную организацию, которая была реальной силой в хозяйственной и идеологической жизни.

Племя нохурли до недавнего прошлого делилось на 22 рода, число которых иногда увеличивалось до 24. Эти роды

¹ П. П. Богушевский. Дикие плодовые породы Туркмении. Проблемы Туркменистана, т. II, стр. 449.

распределялись между двумя большими отделами — собственно нохурли и зертли — следующим образом:

Отдел Нохурли объединял в себе 14 родов: абдурахман (абдыраман), бахар, денджик, джагиль-джогуль, эрвап, эшек, с...н, кушхана, мелик, овезгельды, сыгыр, ходжа, шхата (ишхата), юзбаши и юзбеги.

Роды нохурли, очень незначительные по величине, считались наиболее древними по происхождению.

Зертли разделялись на две безымянные группы: в одну из которых входили ходжа-нияз, огры с подразделениями бег (ляр), бек и собственно огры, кор и кем (ходжа непес), а в другую — кази, айи, хивели и чарых.

Зертли считались примкнувшими к нохурли в более позднее время. Их роды гораздо крупнее, чем роды нохурли, и менее стойки в своем составе.

В оазисах Южной Туркмении род первоначально выступал в качестве определенной единицы как в сфере землевладения, так и в водопользовании, хотя непосредственная обработка земли находилась, как правило, в руках отдельных семей, урожай присваивался обладателями наделов единолично.

Это противоречие выражалось в форме общинно-передельного «санашикового» земле- и водопользования, сохранявшегося в некоторых общинах на части земель до прихода русских в край, а иногда и в более позднее время. Однако значительная часть земель у текинцев Ахала и у нохурцев находилась в частной собственности (мюльк) у отдельных семей.

Организацию водопользования и функции поддержания водной сети взяла на себя водоземельная община, которая существовала и развивалась наряду с родом.

По существу своему община уже давно стала соседской, однако по форме она сохраняла характер родовой, то есть до конца XIX в. не допускала в свой состав посторонних, иноплеменных членов¹. Сохранение в общине родовых групп (это было наиболее частое явление в Южной Туркмении) сильно осложняло картину социально-экономических отношений. В тех же случаях, когда община состояла из членов одного рода,

¹ Замену кровного родства отношениями людей, не связанных кровными узами, К. Маркс считал одной из характерных черт сельской общины, отличающих ее от более ранних общин. (Архив Маркса и Энгельса, т. I, М.-Л., 1928, стр. 284). Характеристике водоземельной общины туркмен-текинцев Ахала и Мерва посвящена работа В. В. Русинова «Водоземельные отношения и община у туркмен», Ташкент, 1918 г.

она выглядела еще более замкнутой¹. Вместе с тем, как уже сказано выше, род был классово дифференцированным, и развитие частной собственности зашло далеко. Так же, как в немецкой марке, которая относилась к числу наиболее развитых сельских общин, в водоземельных общинах прикопетадских туркмен, и в частности в нохурской в конце XIX в., поливная пахотная земля была уже частной собственностью землевладельцев, в то время как леса, пастбища, пустоши и проч. оставались еще общей собственностью.

Нохурская водоземельная община, наряду с этой чертой, характерной для развитых сельских общин, сохраняла многие архаические черты, живучесть которых объяснялась сложностью социально-экономического развития туркмен, патриархально-феодальными отношениями.

* * *

Водоземельная община нохурцев до конца 80-х годов XIX в. состояла из хозяйств всего племени, причем первоначальное единство отдельных родовых земельных владений было нарушено.

Взаимоотношения между отдельными родами были очень сложными. Они создавались на основе земельно-водных отношений, складывавшихся со времени поселения отдельных родов в долине. О существовании в прошлом земли, принадлежавшей отдельным родовым группам, можно было судить только по сохранившимся легендам² и отчасти по расположению земельных участков в центре долины.

Основным источником для характеристики водоземельной общины в старом Нохуре в конце XIX в. служат «Материалы по водопользованию у туркмен Закаспийской области», собранные, начиная с 1892 г., и изложенные чиновником особых поручений Я. Таировым. Издана эта работа в С.-Петербурге в 1904 г.³

Таиров собрал исчерпывающие сведения о водопользовании и землевладении среди туркмен Марыйского, Ахальского и Атекского оазисов, составил списки всех владеющих земельными участками, отмечая безземельных и безводных дайхан. В каждом отдельном случае указывается по какому праву пользуются землей и водой.

¹ Четкую характеристику типов водоземельной общины у туркмен дал в свое время С. П. Толстов (см. указ. работу автора, стр. 181). Весьма много общих черт с общиной туркмен имели общины отдельных афганских племен в начале XIX в. (см. работу И. М. Рейснера «Развитие феодализма и образование государства у афганцев». М., 1954, стр. 161).

² Указанная работа автора, стр. 179.

³ Я. Таиров. Материалы по водопользованию у туркмен Закаспийской области. СПб., 1904.

15. Труды Ин-та истории, арх. и этногр., т. VI

К сожалению, материалы Я. Таирова не касаются нохурских аулов Сумбарской долины; для характеристики водоземельных отношений в них с момента образования селений главным источником служат материалы сельскохозяйственной переписи 1914 г. и полевые записи автора¹.

Будучи сложной и противоречивой по своей сущности, нохурская водоземельная община за сравнительно небольшой исторический период (80-ые годы XIX века—30-ые годы нашего века) претерпела большие изменения, постепенно утрачивая свои архаические черты и разлагаясь по мере втягивания Южной Туркмении в систему капиталистического развития России.

Не останавливаясь здесь на развитии водоземельных отношений в Нохурской долине в период до присоединения к России, отметим, что к 80-м годам вся земля долины уже находилась в частном наследственном владении (мюльк) у отдельных хозяйств и не подлежала переделам, но санашиковые (общинные) земли сохранялись как на богаре, так и в орошаемых местах.

Помимо поливных земель Нохурской долины нохурцы владели поливными землями в долине Сумбара и в горах возле источников Караул-Чешме и Койне-Гумме, которые использовались как санашиковые. Участки в горах возле каждого источника разделялись согласно делению племени на 3 части (нохурли, зертли и айхивали). Тремя частями возле Караул-Чешме пользовались по жребию 105 семейств, точно так же 105 семейств заседало по жребию 3 участка у источника Койне-Гумме.

Земля в долине Сумбара, так же как и в других местах, считалась собственностью племени, но обрабатывали ее далеко не все хозяйства нохурцев.

Из-за постоянной вражды между отдельными туркменскими племенами и персами посевы в Сумбарской долине находились в постоянной опасности со стороны персов, могли быть в любую минуту выгоптаны и сожжены. Поэтому земли в долине Сумбара обрабатывались небольшими группами смельчаков, готовых каждую минуту отразить нападение врага.

Для возделывания использовались земли в районе старой развалившейся крепости Койне-Касыр и ниже по течению реки на месте аула Куруждейн. Обрабатываемые участки становились собственностью той группы хозяйств, которая прорыла арыки и периодически расчищала их. При обработке

¹ ЦГА МВД ТССР, ф. 127, оп. 5а, д. 236, л. 36; полевые записи 1958 г.

земли 10—12 хозяйств разных родов объединялись в группы (шерик), члены которых сообща обрабатывали землю, засеивали ее и собирали урожай, а затем делили его поровну между всеми участниками группы.

Кроме совместного проведения земледельческих работ, члены шерика вместе выходили на летовки со скотом, объединяя его в одно стадо, а в повседневной жизни были связаны рядом обязательств по отношению друг к другу. Однако члены одного шерика не были, как уже сказано, членами одного рода: это были представители зертлинских родов — айи, хивали, чарых и зертли,—а также родов мелик и абдыраман из отдела нохурли¹, хозяйства, или совсем не имевшие своей земли в Нохурской долине, или имевшие ее в недостаточном количестве.

Фактически они образовывали отдельные общины внутри большой нохурской общины, в состав которой продолжали входить. Их дома и приусадебные участки находились в Нохурской долине, в долину Сумбара мужчины из этих хозяйств приезжали только на периоды сельскохозяйственных работ.

Ко времени прихода русских в Туркмению, то есть к 80-м годам XIX в., земельные угодья нохурцев в Нохурской долине состояли всего из 150 танапов, включая и участки, засеянные люцерной, и пахотные земли, и виноградники².

По данным Таирова, к 1892 г. все освоенные и орошаемые земли долины находились в частном владении отдельных лиц на правах мюлька и передавались по наследству. Они могли быть куплены, проданы или подарены в зависимости от желания владельца.

Вода в отдельности не составляла предмета купли и продажи, вследствие того, что отсутствовала общинная поливная земля. Нохурский ручей, протекая в южной части долины и приводя в движение построенные на нем мельницы, делился затем на две равные части, из которых одна орошала земли, лежавшие на левой стороне аула, а другая — на правой. Каждая из этих частей в свою очередь делилась на две магистральные каналы: главную и второстепенную. Для удобства орошения все земли издавна были разделены на 24 полосы, каждая из которых, составляя одно серкарство, орошалась в течение суток.

Орошение всей долины производилось за 25 суток, так как одни сутки в первую очередь поливались земли ходжей,

¹ Нохурские роды мелик и абдыраман образовывали один шерик, роды отдела зертли — несколько.

² Я. Таиров. Материалы по водопользованию туркмен Закаспийской области, вып. 1, стр. 153. Один танап равен одной шестой десятины.

расположенные чресполосно среди других земель аула. Очередь полива каждого серкарства определялась по жребью в начале весны; внутри серкарства владельцы отдельных участков в свою очередь по жребью устанавливали очередь полива своих садов и других земельных угодий. Все участки каждого из 24 серкарств нохурских земель, расположенные по правой и по левой стороне долины орошались в одну суточную очередь независимо от того, кто становился их владельцем и к какому роду он принадлежал.

Как и в других общинах, род являлся первичной ячейкой и пользовался определенной суточной долей воды — серкаром¹. Однако после последнего передела, произошедшего в начале XIX в.², серкарство перестало соответствовать роду, и 24 серкарства сохранялись, видимо, по традиции.

Вследствие незначительного количества воды и земли в Нохурской долине здесь существовала так называемая «долевая» община, в которой не наделялось землей подрастающее поколение, а некоторое количество участников из года в год получало определенную долю земли, а с нею и воды. Виноградарство и садоводство, игравшие значительную роль в хозяйстве нохурцев, не допускали частых переделов земли и способствовали образованию наследственных мюльков.

Освоение новых участков продолжалось, видимо, и после закрепления земли за некоторыми отделами и родами; освоенные земли получали воду из доли отдела, но этот процесс сильно ограничивался размерами долины и величиной водных источников.

В обработке богарных земель участвовали все жители Нохура. Участок получал каждый женившийся или выделенный в отдельное хозяйство мужчина. Переделы на богаре происходили ежегодно, участки распределялись по жребью (бидже).

Глава II

Большое влияние на разложение водоземельной общины оказало присоединение Туркмении к России и проведение Закаспийской железной дороги.

С момента появления русских в Ахал-Текинском оазисе нохурцы оказались втянутыми в торговые отношения с ними и сделались поставщиками продуктов сначала для армии, а

¹ Подразделения внутри такого многочисленного рода, как огры, сами, составляли первичные звенья в сфере землепользования и пользовались отдельным серкаром.

² Сборник решений чрезвычайного съезда народных судей Закаспийской области за 1906 г., стр. 55—57.

потом для тех русских поселков, которые возникали по линии железной дороги.

«Закаспийская дорога, — писал В. И. Ленин, — стала «открывать» для капитала Среднюю Азию...»¹. Сельское хозяйство туркмен втягивалось в сферу действия капитализма. Передельные земли превращались в мюльки.

Купля-продажа земли становилась делом обычным. В. С. Русинов связывает эти изменения в хозяйстве туркмен с развитием хлопкового дела и с повышением цен на землю под хлопок.

У нохурцев развитие частной собственности на землю происходило в несколько иных условиях и значительно раньше, чем у текинцев. Многолетнее существование культуры виноградников и плодовых деревьев, требующих интенсивного ухода, привело к тому, что земельные участки с посадками винограда и плодовых деревьев были закреплены в частную собственность задолго до присоединения Туркмении к России.

С появлением в Туркмении русского населения повысился спрос на продукты садоводства, что заставило нохурцев увеличить площадь садов в долине за счет сокращения пахотной земли под злаки. В связи с этим увеличились богарные посева.

Своеобразие развития нохурского общества в XIX в. заключалось в отсутствии у них крупных землевладельцев — феодалов, родовых вождей, таких как Нуберды-хан, Ковшутхан и другие у текинцев, или Мираб Нияз харс оглы у иомудов². Отсутствие больших площадей и крупных источников орошения, обособленность положения задержали процесс развития феодализма в их обществе. Только в 80-е годы, когда после укрепления русских в крае, в Южной Туркмении началось развитие капиталистических отношений, из среды нохурцев выделяются такие крупные баи, как Адылбай Абдиев, Гасанкули Аббасов и другие, владевшие землей не только в своем ауле, но и в соседних к северу текинских и иомудских селениях.

После прихода в край русских жизнь нохурцев значительно улучшилась: прекратились набеги персов и текинцев, угон скота, разорение посевов.

Земельная теснота, недостаточное количество воды привели к тому, что нохурцы при первой возможности в 80-х годах XIX в. начали выселяться из Нохура, образуя новые аулы с новой системой землепользования. Но так как выселение

¹ В. И. Ленин. Уроки кризиса. Соч., т. 5, изд. 4, стр. 74.

² История Туркменской ССР, т. I, ч. 2, стр. 36.

происходило отдельными родами или частью их, то и в новых аулах род выступал первоначально как одно целое.

В первую очередь покидали долину наименее обеспеченные войлой и землей и те, кто прежде обрабатывал земли в долине Сумбара.

Первыми на землях, принадлежащих нохурцам, были созданы аулы Куруждей (Куруждейн), Койне-Касыр, Тутлы-Кала, Ходжа-Кала и Нури-Кала.

В ауле Куруджей вначале поселились роды абдурахман, мелик, хивали и айи. Позднее сюда переселились эрвап и другие роды нохурцев (ходжа, овеггельды, денджик и бахар). Койне-Касыр образовали роды чарых, зертли, хивали и айи. Аул Ходжа-Кала создали роды юзбаши, кушхана и ишхата¹.

В Тутлы-Кала первыми поселенцами были нохурские роды—юзбаши и бег.

В Койне-Касыре и Куруждейне преобладали зертлинские роды. Представители нохурского отдела поселились западнее, в более широкой части долины. Позднее произошел ряд перемещений: нохурцы оказались в аулах, занятых отделением зертли, и наоборот.

Возле больших аулов постепенно выростали меньшие по величине выселки, куда переселялись первые жители Сумбарской долины, так, например, возле Койне-Касыра выросли выселки Чокур-юрт, образованные представителями рода хивали; ишхата стали жить в ауле Нури-Кала и т. д.

К первым поселенцам сумбарских аулов постепенно переселялись из Нохура их родственники.

В последнее десятилетие XIX в. выходцы из Нохура заселили аулы Каргли (юзбаши, шихата, сыгыр и эшек), на землях русского поселка Никольского в 1897 г. образовался аул Дузлы-Тепе, в котором поселились нохурцы родов кази, эрвап, овеггельды.

Из пятисот домов, составляющих аул Нохур, к моменту русского завоевания около трехсот переселились в Сумбарскую долину².

На землях в горах у источников Караул и Койне-Гумме образовалось около 1909 г. два аула, названные по имени источников. В Карауле вначале поселились зертлинцы из родов кор, бег и ходжа-нияз, затем хивали, айи, чарых и овеггельды; аул Койне-Гумме занял род чарых. В 1914 г. на землях бывшего поселка Тумановского, населенного русскими,

¹ Обзор Закаспийской области за 1898 г., стр. 236, а также полевые записи 1958 г.

² Сборник решений чрезвычайного съезда народных судей Закаспийской области с 1898 по 1902 г., стр. 328.

несколько семей из рода Бахар образовал аул Айи-Дере¹. И, наконец, совсем недавно, уже после победы Великой Октябрьской социалистической революции, в 1920 г., по решению облисполкома 45 бедных дайхан-нохурцев из рода кази были наделены землей и образовали возле бывшего Никольского поселка аул Дикиль-Даш².

В том же году на месте бывшего русского поселка Анненковского в местности Дурды-хан 43 нохурца из родов бахар и эрвап образовали одноименный поселок. Они были наделены поливной землей по десятине (около 6 танапов) на хозяйство³.

Аулы Иолы-Дере и Оджи образовались как выселки из уже вновь образованных аулов, первый из аула Дузлы-Тепе, а второй из аула Куруждей. В Дузлы-Тепе поселился род кушхана, в Оджи—мелик. Нохурцы, поселившиеся в Сумбарской долине, образовали первое и второе Верхнесумбарские общества, которые административно входили в Кара-Калинское приставство⁴.

После установления твердой власти русских все земли Сумбарской долины были взяты в Государственную казну; переселение из Нохура и создание новых поселков происходило с разрешения и ведома царской администрации.

Первые переселенцы получили земельные участки размером в 3 танапа на правах мюлька; остальная земля считалась падшалычной (принадлежащей царю), из этого фонда наделались землей новые поселенцы и выделившиеся хозяйства. Особенно трудно было переселенцам в первые годы жизни на новом месте, так как им приходилось расчищать и осваивать целинные земли, однако это обстоятельство не могло остановить поток желающих иметь землю. Уже через несколько лет норма надела землей уменьшилась до 1,5 танапов⁵. Наряду с поливными землями, в частную собственность переходили и богарные. По словам наших информаторов, при освоении богары власти не ограничивали первых поселенцев, и они, захватив лучшие участки у источников, обрабатывали столько земли, сколько могли поднять одним

¹ ЦГА МВД СССР, АОР, ф. 338, оп. I, д. 47, л. 13.

² Там же, оп. 9, д. 40.

³ Там же, д. 30.

⁴ Во главе каждого общества, стоял арчин (старшина), выбиравшийся из числа наиболее богатых дайхан. Через 5—6 лет проводились выборы арчина; обычно приходилось выбирать старшину, угодного царским властям. Тем не менее во время выборов часто происходили кровопролития, так как каждый род хотел провести своего кандидата. Аул Койне-Касыр с выселками образовывал отдельное первое Верхнесумбарское общество; остальные нохурские аулы входили во второе.

⁵ ЦГА МВД СССР, ф. с/б., д. 82, л. 182.

хозяйством. Обработанная однажды земля считалась полной собственностью (мюльк) освоившего независимо от того, насколько регулярно владелец этой земли использовал её¹.

Социальное неравенство на новых местах не стиралось, а, наоборот, узаконивалось властью. Старшины и аульные аксакалы при первоначальном занятии земель получали сверх нормы земельные участки (сылах) площадью 1—2 надела и какой-нибудь отдельный луг (тукай), клин и т. д. Это обосновывалось необходимостью нести расход по приему приезжающих в аул гостей. Звание аксакала, как и надел (сылах), было наследственным².

Первоначально члены одного рода селились вместе на одном ябе, однако вскоре родовое расселение стало нарушаться, так как вновь прибывшим участки давали там, где еще оставалась свободная земля.

На основании сведений, полученных от информаторов, которые сами были в числе первых поселившихся в долине Сумбара³, а также данных сельскохозяйственной переписи 1914 г. можно восстановить довольно ясную картину земельно-водных отношений в наиболее крупных нохурских аулах на Сумбаре, Койне-Касыре и Куруждейне перед Октябрьской революцией. Первым в долине Сумбара был образован аул Куруждейн, это было примерно в 1885—1887 г.⁴

Первые поселенцы, как уже говорилось выше, были из тех, кто обрабатывал и раньше земли в этих местах. Они поселились согласно своей родовой принадлежности по арыкам: мелик и абдырахман — на Джовен-ябе, выведенном из Сумбара справа, айи и хивели — на Йылгынлы-ябе — слева. К первым поселенцам вскоре присоединились и другие; стали разрабатываться новые арыки.

К 1914 г. земли жителей с. Куруждейн орошало уже 6 арыков, хотя только 2 из них имели постоянно достаточное количество воды. Число хозяйств с 41 возросло до 77⁵. Изменился и родовой состав населения: большое количество родов (айи, хивали и др.) переселилось в Койне-Касыр или Тут-

¹ ЦГА ф. 127, оп. 5а, д. 236, л. 120—132, 231, 243 и др. Это правило шариата принималось туркменами наряду с адатом.

² Там же, ф. с/б., д. 82, л. 82—83.

³ Сведения получены от жителей Койне-Касыр: Мамедсахатова Мамеднура (84 года), Овезова Ходжакули (98 лет), Мамедова Ходжамберды (80 лет) — и от жителя с. Ходжа-Кала Ходжа Мурада (79 лет), за что автор выражает им искреннюю благодарность.

⁴ По архивным данным 1914 г., земля была закреплена за поселенцами 25 лет назад, то есть в 1889 г. (л. 231—243).

⁵ ЦГА, ф. 217, оп. 5а, д. 236, л. 231. На 1914 г. показано число хозяйств, имеющих землю и воду; однако надо учитывать, что среди дайхан в это время уже были безземельные хозяйства (об этом см. ниже).

лы-Кала, где жили их родственники, вместо них из Нохура прибыло несколько хозяйств рода эрвап.

На поливных землях сеяли в основном озимые хлеба, так как на яровые обычно не хватало воды; на приусадебных участках разводили сады. Участки пахотной земли располагались большей частью за аулом. Владевшие землей на Кузей-ябе и Джовен-ябе (наиболее полноводных) летом, когда в других арыках совсем не было воды, делили между собой воду Сумбара по 9 суток на яб, и чередуясь, поливали свои яровые посевы по 3 хозяйства в сутки; из этих же арыков получал по одной доле воды помощник старшины¹. В остальное время года очереди полива не устанавливали, так как воды хватало всем.

В зависимости от величины и многоводности арыков их водой пользовалось разное число хозяйств — от 4 на Эйджи (Өжи) -ябе до 20 на Кузей-ябе и Джовен-ябе. Все дайхане, имевшие поливную землю дважды в год, весной и осенью, участвовали в очистке арыков. Организаторами хошарных работ были рядовые аксакалы, выполнявшие в тех аулах, где воды было меньше, и обязанности мирабов². В этом отношении большой интерес представляет организация водопользования в ауле Койне-Касыр, образовавшемся почти одновременно с Куруждейном.

Как и в Куруждейне, в Койне-Касыре первыми поселенцами были хозяйства, ранее производившие посевы в долине Сумбара.

Вместе с семьями своих родственников, поселившихся одновременно с ними или 1—2 года спустя, первые переселенцы в количестве 80 хозяйств³ заняли земли по 4 арыкам, выведенным из Сумбара с правой стороны (в этом месте по Сумбару проходила государственная граница с Ираном, и земли, лежащие слева от реки, находились уже на иранской территории).

Выходящий первым по течению реки арык назывался Сансар (Екаркы-яб), ниже последовательно располагались Телехан (Каррыбент), Уртеке, (Орта-яб) и, наконец, Дегирмен или Ашагы-яб (Пески-яб), орошавший также земли с Чокур-юрт⁴.

Пока возле реки и вдоль арыков были свободные места, родственники селились вместе, прибывшие позднее должны

¹ ЦГА, ф. 217, оп. 5а, д. 236. В тех случаях, когда старшина избирался из дайхан другого аула (обычно Ходжа-Кала), из Куруждейна выбирался его помощник.

² Там же, л. 120—132.

³ Там же.

⁴ Там же. Каррыбент ныне не существует, а остальные арыки углублены и расширены.

были ставить свои дома выше, на склонах гор, в отдалении от членов своего рода.

Участки, выделенные для отдельных усадеб, были незначительны по величине, основные же пахотные земли были распределены между хозяйствами по жребью и оказались расположенными почти по всем арыкам¹.

Часть хозяйств получила также участки земли в ущельях (дере) Пор-Дере, Койне-Касыр и Чокур-юрт вдоль одноименных источников; все эти земли, подобно землям на арыках, считались мюльком и переходили по наследству от отца к сыну, а за неимением последнего—к вдове или дочерям, по выходе замуж—к брату или другому ближайшему родственнику умершего².

В период проведения сельскохозяйственной переписи 1914 г. в Койне-Касыре было уже 214 хозяйств, владевших одной или несколькими долями воды на одном или нескольких арыках и в ущельях, причем первоначальная земельная норма надела с трех танапов уменьшилась до полутора. Практиковалась купля-продажа земли и сдача в аренду земли и воды вместе и порознь³. Величина одного су⁴ по ябам и в ущельях равнялась одному танапу. В сутках 18 су воды, таким образом, на 1 су приходилось 1 ч. 20 м. Очередь полива земель наступала через 18 суток; из них 13 суток поливали земли жители аула, четверо суток (сутки на каждый яб) вода орошала посеvy русского населения Койне-Касыра (таможных, пограничников, лазаретных работников, объездчиков), сутки—земли старшины (две пятых доли суточной воды) и трое—судей (по одной пятой доли).

Ежегодно члены общины выбирали мираба, следившего за исправностью арыков и контролировавшего правильность распределения всей воды, но право непосредственного распределения воды по земельным участкам дайхан и обязанность по организации хошарных работ принадлежали не ему, а родовым старшинам (аксакалам), стоявшим во главе хозяйств своего рода. Койне-Касыр и Чокур-юрт, тесно связанные системой водопользования и родственными узами, населяло 4 зертлинских рода: чарык, зертли, айи и хивали, во главе каждого из них стоял аксакал — наиболее богатый и «уважаемый» член рода. Это звание, как было сказано выше, передавалось обычно по наследству.

¹ Там же.

² Там же, лл. 120—132; 231—243 и др.

³ ЦГА, ф. 217, 5а, д. 236, лл. 120—132, 231—243 и др.; см. также дело 36.

⁴ Норма водного надела. Здесь и далее материалы сельскохозяйственной переписи 1914 г., д. 236.

К 1914 г. в Койне-Касырской земельно-водной общине 55 хозяйств принадлежало к роду чарых, 52—к роду зертли, 66—айи и 41 хозяйство—к роду хивали, причем большая часть хозяйств этого рода жила в ауле Чокур-юрт. Очередь полива земель каждого рода определялась в начале года по жребью.

Каждый аксакал получал всю воду Сумбара по всем арыкам на 3 дня, в течение которых поливал поочередно (очередь также устанавливалась по жребью) земли хозяйств своего рода, независимо от того, где они были расположены. Старшина рода айи получал очередь полива на 4 суток согласно количеству хозяйств рода, имевших воду. В тех случаях, когда трех суток для полива всех земель рода не хватало (3×18=54), аксакал получал дополнительно доли воды у того рода, где они были лишними. Напротив, род, у которого оставалась вода, передавал ее в следующее аксакальство. Ввиду того, что земли каждого рода находились в разных местах, наблюдались частые случаи обмена очередью между отдельными аксакальствами. Кажущееся равенство в пользовании водой не могло удержать новые общины от социального расслоения. Официальные лица, состоящие на службе у русской администрации (старшины, аксакалы, судьи и т. д.), имели дополнительные наделы земли и воды; социальное неравенство продолжало развиваться и углубляться и по мере проникновения элементов капиталистических отношений в аул. Резервы падшалычной земли очень скоро иссякли, и далеко не все вновь прибывшие хозяйства получали земельные наделы. Так, в ауле Тутлы-Кала после выделения участков первым поселенцам в течение последовавших 25 лет (1890—1914) наделение земель новых хозяйств производилось всего 4—5 раз¹.

В большинстве нохурских аулов на Сумбаре женившихся и вновь переселившихся сородичей род обязан был наделять землей из своих наделов². Обычно это были наделы умерших, не оставивших детей или близких родственников, или вдов, вышедших замуж.

Одним из характерных признаков социального расслоения являлась аренда, сохранившая архаические формы. Аренда исполу³, а чаще издольная аренда земли стала обычным явлением. Доля арендатора равнялась третьей части урожая⁴.

¹ ЦГА, ф. 217, оп. 5а, д. 236, л. 216—231.

² Там же, ф. с/б., д. 82, л. 185.

³ Там же, ф. 217, оп. 5а, д. 236, л. 229—230.

⁴ Там же, д. 36, хозяйства № 180, 195, 266 и др.

Наблюдались случаи купли-продажи земли как на богаре, так и в долине пока еще втурси водоземельных общин¹.

Отсутствие достаточных земельных угодий вблизи от аулов и на богаре при все растущем населении² заставляло нохурцев изыскивать новые возможности для своего существования. Этим объясняется коллективная аренда земли на иранской стороне, которая практиковалась у нохурцев Сумбара. Жители Койне-Касыра арендовали большую территорию, находящуюся напротив их аула. Летом нохурцы выпасали здесь скот, собирали сено, а безземельные хозяйства производили посевы, поливая их своей водой из Сумбара³.

Жители аула Ходжа-Кала, Каргли и Нури-Кала также из года в год арендовали в Иране земли по левой стороне Сумбара не только как пастбищные и сенокосные территории, но еще в большей мере для посева хлебов. Они вырыли на этих землях 4 яба, получавших из Сумбара воду одновременно; из ябов ежедневно поливали свои земли 6 хозяйств по 4 часа каждое⁴.

Процесс обезземеливания нохурцев Сумбара уже к 1910 г., то есть через 25 лет после присоединения Туркмении к России, зашел далеко.

Из рапорта кара-калинского пристава начальнику Красноводского уезда видно, что 80 хозяйств первого и второго Сумбарского общества, то есть 16% всех жителей, совсем не имели земли, хотя и платили подати⁵.

Вместе с тем, некоторые из выселившихся оставались владельцами участков в Нохуре, другие продавали их. Земли покупали зажиточные родственники или скупщики. А так как желающих купить землю было много, в Нохуре неоднократно возникали споры, разрешавшиеся иногда путем судебного вмешательства, иногда рукопашной схваткой. Так, в 1898 г. большая группа зертлинцев пожаловалась приставу, что земли выселившихся скупают лица из отдела нохурли, родственники старшины. Начальник области Боголюбов распорядился, чтобы сумбарцы в двухгодичный срок продали свои земли нохурцам⁶. Была выбрана комиссия из 9 человек по 3 от каждого отдела, которая должна была наблюдать за

¹ ЦГА, ф. 217, оп. 5а, д. 236, л. 216—231.

² По данным 1914 г., в 2-х Сумбарских обществах нохурцев насчитывалось около 500 семейств (ЦГА, д. 38108, № 510, стр. 328).

³ Там же, ф. 127, оп. 5а, д. 236, л. 130—132. Община арендовала землю у одного иранца, в свою очередь снимавшего её у своего правительства.

⁴ ЦГА, ф. 127, оп. 5а, д. 236, л. 175—187.

⁵ ЦГА, ф. с/б., д. 82, л. 185.

⁶ Сб. решений Чрезвычайного съезда народных судей Закаспийской области с 1898 по 1902 г., стр. 328.

правильностью совершения актов покупки и не допускать тайных сделок.

Однако же сумбарцы, которые не желали продавать свои участки в Нохурской долине, чтобы удержать их за собой, фиктивно продали их своим родственникам; большая часть земель была все же тайно скуплена ростовщиками. Из-за этого возник целый ряд судебных дел главным образом по праву преимущественной покупки земли — шифат (шепе, шепелик). Как известно, право соседства — шифат, — которое было заимствовано туркменским обычным правом из мусульманского законодательства, заключалось в том, что преимущественное право покупки продаваемой земли получал сосед, и только после его отказа купить землю, ее мог покупать кто-нибудь другой по цене не ниже установленной ранее. Этот обычай, первоначально имевший своей целью удержать в руках родовой общины землю и не позволить чужеземцам поселиться на территории рода, сохранялся и в сельской общине¹.

Быстрый процесс социального расслоения в общинах, обезземеливание одних и обогащение других, имевший место в Нохурских аулах на Сумбаре, уже в первые десятилетия их существования, не обошел и Старого Нохура. Здесь дольше, чем в новых нохурских аулах, сохранялось в целом родовое расселение и общие массивы земель, принадлежащих одному роду, потому что благодаря праву шифата земля удерживалась в руках членов одного и того же рода, но лишь в известной степени, так как возросшее неравенство, а вместе с ним участвовавшие случаи купли-продажи земли нарушали этот принцип и создавали чересполосицу в родовом расселении и землевладении, характерную для соседских общин. Когда землю обедневшего или выселившегося нохурца покупал его сородич, образовывались хозяйства, владевшие несколькими су в одном месте. В то же время происходил и обратный процесс.

Хозяйство, не имевшее возможности купить для подростого члена новый участок земли, дробило свой надел. Так образовывались хозяйства, имевшие 1/2 су или даже 1/3 су. Наряду с такими хозяйствами, существовали совершенно безземельные (скорее, безводные) хозяйства, так как земля, не орошенная водой, имела в Нохурской долине слишком малую ценность. Наиболее зажиточные хозяйства не довольствовались земельными участками в Нохуре. С развитием капиталистических отношений у нохурцев появилась возможность

¹ Полевые записи 1958 г.

покупки земельных участков в оазисе. Уже к 1892 г.¹ выделяются крупные баи, такие как старшина аула Нохур Атабай Овезмурадов, Угурлубай Алияров, Адыбай Абдиев и некоторые другие, которые владели участками не только в Нохуре, но и в текинских аулах Сунча и Дешт. Адыбай Абдиев, кроме того, был владельцем мельницы в ауле Дешт и совладельцем (ему принадлежало 25/60 части) самой крупной мельницы в ауле Нохур.

Наряду с текинцами оазиса, ряд зажиточных нохурцев начинает разрабатывать заброшенные в период появления текинцев в оазисе кяризы, и, соответственно своему денежному вкладу, владеть определенной частью земли, орошаемой водой этого кяриза. Так был восстановлен в 1896 г. кяриз Эль-Арват (иначе кяриз Адыбая), орошающий земли севернее полотна железной дороги против ст. Арчман. Его владельцами стали 18 нохурцев, в том числе и упомянутый выше Адыбай Адиев.

Мы уже говорили, что все ненохурцы, выселившиеся в долину Сумбара, продавали свои участки в ауле Нохур; некоторые из них, пользуясь благоприятными обстоятельствами, не только не теряли своих су в Нохурской долине, но приобретали дополнительные участки, скупая их у своих родственников и соседей. Одновременно с этим они имели наделы земли в аулах, в которых поселялись. Среди них выделялись кулацкие хозяйства Байгельды Курбангельдыева, жителя аула Ходжа-Кала, владевшего 12 су в ауле Нохур, Барата Ниязмамедова и Мамедклыча Кочиева, жителей аула Тутлы-Кала, имевших в Нохуре по 6 су каждый, Назара Аннакулова, жителя аула Куруждейн и др.²

Вместе с тем, часть нохурцев, не имевших земельных наделов, должна была арендовать землю в других аулах, причем формы аренды, так же как и на Сумбаре, были крайне архаичны.

Наряду с земельными участками в Нохуре жители нохурской долины еще в 1914 г. продолжали сохранять свои права на общинные поливные земли возле источников Караул и Койне-Гумме³. Таким образом, в отличие от жителей сумбарских аулов в Нохуре санашиковое право сохранялось на поливных землях в горах и на богаре. Земля периодически

¹ Все нижеприведенные сведения даны по материалам Таирова, ч. II, стр. 153—162, 165, 352, 380, 385, 358.

² Я. Таиров. Материалы по земле-водопользованию, ч. II, стр. 161.

³ ЦГА, ф. 127, оп. 5а, д. 7. В это время здесь уже существовали небольшие аулы. К 1920 г. они насчитывали соответственно: первый—373 человека, а второй — 46. См. указ. работу автора, стр. 88, 91.

переделялась между членами общины, оставаясь ее собственностью. Распределение земли происходило по жребию.

Устойчивые оседлые традиции не мешали нохурцам совершать летние перекочевки со скотом в горы. Откочевывали в местности, где производились и богарные посевы. В горы уходили в конце мая, после окончания полевых работ в долине. Перекочевки продолжали сохраняться и у нохурцев Сумбарской долины, однако уже через несколько лет на нохурское плато стали перекочевывать лишь те хозяйства, которые имели богарные участки. Часть нохурцев стала отгонять скот в долину Чандыря или в Персию¹.

На кочевках жители оставались до половины августа. Когда в садах начинали поспевать фрукты и виноград, нохурцы возвращались снова в аулы.

Пастбища, пахотные земли и родники на Нохурском плато принадлежали всему племени. Во время летних перекочевок род выступал как единое целое. Близкие хозяйства одного рода обычно перекочевывали к определенным родникам. Даже после выселения нохурцы сумбарских аулов на лето возвращались к тем родникам, к которым в свое время перекочевывали их отцы и деды. Спустя несколько лет после образования новых аулов, все родники и пастбища были разделены между ними. В тех случаях, когда род целиком выселялся из Нохура, родники и прилегающие к ним земли, использовавшиеся этим родом ранее, переходили в его собственность. Так, род мелик стал владеть родником в местности Ак-булак, потому что издавна пользовался на летовках его водой и землями вокруг него. Род абдырахман получил земли в местности Теменчи. Так же, как мелик, айи и хивали издавна пользовались землями в местности Ак-булак (здесь было несколько родников), поэтому после их выселения из Нохура они перешли во владение аулов Куруждейн и Койне-Касыр и т. д.

Возле родников, где были летовки нохурцев, обычно располагались и их богарные земли. Как известно, общинная собственность на богаре сохранялась лишь у жителей старого Нохура, в сумбарских аулах богарные участки стали мюльком. Естественно, что вскоре после выселения из Нохура, среди сумбарских нохурцев появились хозяйства, не имевшие богарных посевов.

Так, из 214 хозяйств аула Койне-Касыр к 1914 г. на богаре владели землями только 164 хозяйства².

Разделение земель на плато между нохурскими аулами не улучшило положения. Земельная теснота увеличивалась

¹ ЦГА, ф. 217, оп. 5а, д. 236, лл. 132, 187 и др.; д. 36.

² ЦГА, ф. 217, оп. 5а, д. 236, лл. 120—132.

не только за счет прироста населения. С утверждением русских в крае появились переселенцы из России, которых правительство наделяло участками за счет нохурских земель. Так, между жителями аула Тутлы-Кала и пос. Тумановского спор за обладание богарными и поливными землями на плато продолжался в течение многих лет с переменным успехом, который сильно зависел от произвола властей, решавших дело в пользу того, кто давал большую взятку¹.

Скот находился в частном владении отдельных семей, но следы племенной собственности мы находим и здесь: скот клеймили тамгой (ян), характерной только для нохурцев. Тамга имела изображение изогнутых рогов³ или метки на ушах животных, производимой приживанием, или простым надрезом на правом или левом ухе животного.

Помимо общеплеменной тамги имелись специальные метки для скота каждого отдельного хозяина.

Еще в большей степени, чем в отношении земельных участков, и вместе с тем гораздо раньше социальное неравенство существовало во владении скотом.

Та же родовая верхушка, имевшая крупные земельные угодья, владела и значительным количеством скота как мелкого, так и крупного. Наряду с ними, целый ряд хозяйств владел в лучшем случае несколькими овцами или козами.

Итак, разрушение общинной собственности на землю в нохурских аулах к 1914 г. зашло уже далеко, Вместе с тем сохранение рода или более мелких родовых групп³ в качестве реальной единицы в хозяйственной жизни весьма осложняло характеристику водо-земельной общины. Как было сказано выше, нохурская община накануне присоединения уже была соседской⁴, теперь она стала на путь капиталистического развития, хотя и сохраняла множество родовых пережитков. Образование новых водоземельных общин в Сумбарской долине, ослабление на какое-то время земельной тесноты не приостановило процесса классовой дифференциации нохурцев и капитализации их хозяйства, хотя царская администрация и пыталась искусственно задержать разложение общины и ро-

¹ Там же, ф. с/б, д. 82, л. 198; ф. 1, оп. 2, д. 4372, л. 11, 12; ф. 217, оп. 5а, л. 230, 231.

² Г. И. Карпов. Тамга. «Туркменоведение», № 8—9, 1929.

³ В своей монографии о нохурли мы называли их «патрониями» (см. указ. раб., стр. 178).

⁴ Весьма интересно в этом отношении то, что в ауле Ходжа-Кала (как видимо, и в других нохурских аулах) в период, предшествующий Октябрьской революции, при продаже земли сосед имел преимущественное право на ее покупку перед родственником, если, конечно, последний не был также соседом продавшего участка.

довых институтов. Ярким примером этого является сохранение в новых аулах института родовых аксакалов.

Нарушением родового единства, весьма ярким проявлением характерных для соседской общины отношений были водо-земельные общины (шерик) по совместной обработке земли в Сумбарской долине, существовавшие еще в период, предшествующий присоединению к России. На характеристике этих общин мы останавливались выше. Напомним, что единство (шерик) не ограничивалось совместной обработкой земли, а сохранялось при перекочевках в горы, во время общих работ в ауле и т. д. И все же соседская община разрушалась. Одним из характерных признаков этого было нарушение права шифата, о чем уже говорилось выше. Покупка земли посторонними (текинцами, гёкленами) в нохурских аулах или нохурцами—в текинских аулах в Ахале¹, обезземеливание части членов общины и уход их из дома на заработки² и тому подобные явления свидетельствовали об отмирании общины.

Род же стал своеобразной формой развития классово-дифференцированного общества, его существование затушевывало классовую сущность взаимоотношений между его членами.

Эксплуатация бедных членов рода их богатыми родственниками была скрыта под видом внутривидовых отношений и принимала самые неожиданные формы. Одна из таких форм эксплуатации проявлялась в виде родовой взаимопомощи — ювара (ёвар)³. Близкие родственники, а иногда и почти весь род по зову одного из своих членов собирались к нему для помощи по уборке хлеба, постройке дома и т. д. Конечно, таким путем богатые члены рода, когда им было нужно, могли получить даровую рабочую силу. Та же самая эксплуатация была и под другими предлогами. Если бедный член рода хотел жениться и не мог собрать денег на калым, он обращался за «помощью» к своему богатому родственнику при условии отработать за неё в его хозяйстве. При выездах на летовки, когда большая часть рода находилась в одном месте, обязанности по уходу за скотом богатых родственников лежали на неимущих и малоимущих дайханах, находившихся в экономической зависимости от своих богатых сородичей. Род сохранял функции защитника своих членов от чужеродных обидчиков, но при развитых классовых отноше-

¹ ЦГА, ф. ЦАУ, д. 25, № 1138, стр. 252.

² Я. Таиров. Указ. раб., ч. 1, стр. 153—162; ч. II, стр. 352, 357 и др.

³ Ранее этот вопрос разбирал А. Н. Бернштам в своих работах: «Проблемы распада родовых отношений у кочевников Азии», С. Э., № 6, 1934, стр. 112 и «Туркменский род и колхоз», сб. «Труд и быт в колхозах», ч. II, стр. 10. О сохранении «ювара» в иной форме см. нашу работу, стр. 186—187.

ниях внутри рода позволял «своим» богачам жестоко эксплуатировать сородичей. Его существование стало помехой после революции, так как пережитки родовых отношений мешали переустройству туркменского аула.

Проведенная в 1925 г. в Полторацком и Мервском округах земельно-водная реформа в основном сводилась к следующему.

Декретом от 23 мая 1925 г. ЦИК и СНК ТССР право частной собственности на землю и воду было отменено навсегда, и все земли и вода Туркменской ССР составляли единый Госфонд ТССР. Земля и вода были изъяты из гражданско-го оборота, лица, виновные в совершении сделок (купли, продажи, залога) относительно земли и воды, лишались земли и воды и подвергались уголовным наказаниям.

Право на землю предоставлялось всем достигшим 18-летнего возраста лицам независимо от пола, национальности и вероисповедания.

Безземельные и малоземельные наделялись участками из свободных земель Госфонда в непосредственное пользование¹.

Во время проведения реформы все земли в Нохуре, которыми владели жители вновь образованных аулов, были отобраны у них и переданы в общий фонд земель. Нохурцы, владевшие землями в других аулах, наделялись землей на общих основаниях, то есть получали землю где-нибудь в одном месте, там, где они обрабатывали ее самостоятельно, не сдавая в аренду.

Максимальная норма надела, свыше которой земля отчуждалась для бывшего Полторацкого округа, была установлена в две с половиной десятины.

Безземельные дайхане наделялись землей в размере полуторы десятины.

На богарных землях нормы надела были значительно выше (9—25 десятин). В Кара-Калинском р-не земельно-водная реформа не затронула богарных посев, поэтому нормы надела для них были установлены райисполкомом особо².

Сады и виноградники отчуждению не подвергались, если площадь, занимаемая ими, не превышала трех десятин. В том случае, когда площадь земель, занятых садами и виноградниками, была меньше наделной нормы, дайханин наделялся дополнительно землей из Госфонда.

Нохурские земли на богаре до периода коллективизации продолжали оставаться в санашиковом владении и во время

¹ ЦГА, ф. ЦАУ, д. 20, 1138, стр. 269.

² Там же, ф. 222, д. 1, стр. 182.

создания колхозов были коллективизированы в первую очередь¹.

Земельно-водная реформа, несмотря на свое огромное значение, не сумела обеспечить всех земельными наделами, и не уничтожила окончательно кулачества, а только подсекла его могущество. Несмотря на то, что ряд богатых нохурцев, мешавших проведению реформы, были лишены земельных наделов, а некоторые из них даже выселены из Нохура (например, Ораз Ахун)², в нохурских аулах вплоть до эпохи коллективизации существовало некоторое земельное неравенство и эксплуатация чужого труда, скрытые внутриродовыми отношениями. Только сплошная коллективизация, первым этапом которой было создание ТОЗов, охвативших большинство нохурских хозяйств, ликвидировала социальное неравенство, подсекла родо-племенные пережитки в хозяйстве и привела нохурцев, так же как и других туркмен, к созданию бесклассового социалистического общества.

¹ Бернштам. Проблема распада родовых отношений у кочевников Азии. «Советская этнография», № 6, 1934.

² ЦГА, ф. 222, д. 1, стр. 155.

В. КЕНИГ

СКОТОВОДЧЕСКОЕ ХОЗЯЙСТВО У ТЕКИНЦЕВ АХАЛА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.¹

Во второй половине XIX в. скотоводческие области ахальских туркмен-текинцев простирались в Кара-Кумах от Кызыл-Арвата и Гяурса на юге до Узбоя и Унгуза на севере. Напоминая по форме прямоугольник, они представляли собой песчаные и песчано-глинистые степи, по природным условиям схожие с пустынными районами Западной Азии и Северной Африки. Своеобразие природных условий придало туркменскому скотоводству черты, в значительной мере отличающие его от скотоводства в Центральной Азии (монголы), Средней Азии (казахи, киргизы) и Южной Сибири (алтайцы), и сближающие его с западноазиатским и североафриканским скотоводством.

Хозяйство туркмен-скотоводов (чомур) носило специализированный характер. Скудные пастбища и немногочисленные водные источники могли дать возможность для осуществления только немногим, наиболее неприхотливым породам скота. Поэтому туркменские скотоводы ограничивались главным образом разведением курдючных овец, верблюдов и небольших стад коз местной породы. Интересно, что в отличие от казахов, киргизов, монголов и других туркмены держали в основном только одnogорбых верблюдов, что

¹ Настоящая статья представляет собой часть главы о хозяйстве туркмен Ахала из докторской диссертации заведующего отделом Средней и Передней Азии Лейпцигского музея этнографии В. Кенига, защищенной им в Германской Демократической Республике.

В. Кениг собирал материалы для своей диссертации в 1955—1956 годах, работая в составе Туркменской археолого-этнографической экспедиции и в Госархиве ТССР. Статью перевел Г. Е. Марков.

опять-таки сближало их хозяйство с западноазиатским и североафриканским. Коневодство у текинцев существовало только в очень ограниченных размерах и существенного значения в хозяйственной жизни не имело. Лошади служили в основном для верховой езды и лишь в небольшом количестве шли на продажу.

Роль овцеводства и верблюдоводства в туркменском хозяйстве была примерно равноценной. Одной из его особенностей был сравнительно высокий процент верблюдов в общем поголовье скота (20—40%), это объясняется значением верблюдов в обмене скотоводов-чарва с земледельцами. Жители оазисов были главными потребителями туркменских верблюдов. Их использовали как рабочий скот, и для транспорта.

Основным покупателем туркменских верблюдов было Хивинское ханство, население которого использовало их, в частности, для приведения в движение водоподъемных колес («жыкыр»), но немало верблюдов шло на продажу в Персию. Шерсть и молоко, получаемые от верблюдов, не имели существенного значения в обмене и употреблялись в основном в собственном хозяйстве (указанные продукты составляли не более 4—5% в туркменской торговле)¹.

Овцеводство удовлетворяло потребности самих туркмен. Наряду с мясом, молоком и жиром, получаемыми от овец, важное значение имела овечья шерсть, по большей части перерабатываемая туркменами для своего потребления или на продажу. Убранство туркменского кочевого жилища и его составные части, как известно, изготавливаются из овечьей шерсти. Только для сооружения полусферической крыши туркменской юрты требуется 120—160 кг шерсти в виде войлока. Из-за сравнительной недолговечности войлока (5—7 лет) для их ремонта и обновления ежегодно требовалось 16—20 кг шерсти на хозяйство. Кроме того, из шерсти изготавливались кошмы для полов, ковры, переметные сумки, сумки для вещей и многие другие предметы туркменского быта. Ежегодная потребность одного туркменского хозяйства в шерсти достигала более 100 кг в год, и из них более 85 кг овечьей². Мясо и жир были главными продуктами овцеводства для обмена. Продавать овечью шерсть могли только довольно зажиточные хозяйства, располагавшие большими стадами овец. Средние и бедные хозяйства продавали овечью шерсть в уже переработанном виде (ковры, кошмы

¹ А. Петров. Предварительные итоги обследования скотоводческих районов ТССР. Бюллетень № 15 Центрального статуправления ТССР. Ашхабад, 1929.

² А. Петров. Указ. раб., стр. 42.

и т. п.), чтобы повысить приложенным трудом ценность продаваемых предметов.

Таким образом, у чарва уже в течение длительного времени продажа верблюдов позволяла покрывать потребности в продуктах оазисного хозяйства, продукты же овцеводческого хозяйства за указанным выше исключением почти целиком использовались в самих туркменских хозяйствах. Целесообразность этой системы состояла прежде всего в том, что она обеспечивала существование даже при очень небольшом поголовьи стад в неблагоприятных для жизни природных условиях.

* * *

Система скотоводческого хозяйства туркменских чарва не имела такого хорошо выраженного кочевого облика, как у многих других скотоводов Средней и Центральной Азии. Несмотря на то, что туркмены содержали свой скот на пастбищах круглый год, они, как правило, не предпринимали перекочевки на большие расстояния, как, например, отдельные казахские группы, перегонявшие свой скот более чем за 1000 км. По большей части туркменские стада паслись на сравнительно ограниченной территории пастбищ вокруг водных источников. Эта своеобразная форма текинского скотоводства, которую можно назвать «стационарным кочеванием», зависела прежде всего от естественно-географических условий Кара-Кумов. Пустынные пастбища применительно к их значению в скотоводческом хозяйстве имели две характерные черты. С одной стороны, эти пастбища представляли собой довольно ограниченную кормовую базу для скота, в связи с чем приходилось часто перегонять стада с места на место, а с другой — при нормальных условиях погоды пастбища были пригодны для скота круглый год. Растительные формы чередовались по сезонам, это позволяло весь год содержать стада в границах одного и того же района. Поэтому у ахальских текинцев не было необходимости перегонять свой скот в разные времена года на большие расстояния. К тому же ограниченность водных источников не позволяла совершать большие перекочевки. Водоснабжение в Кара-Кумах основывалось на редких колодцах, большей частью соленых, с непригодной для человека водой. Кроме того, пастбищные территории текинцев Ахала имели и политические границы: на севере и западе лежали пастбища иомудов, на востоке — теженских текинцев, на юге же находился Иран.

В восточных районах Ахала, где пастбища были лучше, а воды больше, чем на западе, чарва жили сравнительно оседло. При обследовании 24 скотоводческих поселений (оба) в районе Карры-Ташырла (110 км на северо-восток от Ашхабада) было установлено, что они почти постоянно проживают в одних и тех же местах вокруг своих колодцев и только изредка весной перекочевывают со своим скотом на небольшие расстояния к естественным водоемам, образовавшимся от таяния снегов¹.

В западных же районах Ахала скотоводам приходилось постоянно кочевать, переходя от одних пастбищ и водных источников к другим. Так, например, в окрестностях Геок-Тепе не более половины скотоводческого населения пользовалось круглый год одними и теми же пастбищами. Еще западнее, в районе Бахардена, сравнительно оседлой было не более одной пятой части скотоводческого населения². Перекочевки совершались обычно три раза в год, но не дальше чем за 20—25 км от мест своих постоянных поселений, где они проводили основную часть года (июль—декабрь)³. Большая часть скотоводов Ахала перекочевывали 2 раза в год.

Летний период пастбы скота начинался с наступлением жаркой погоды, когда пересыхали временные источники воды, сгорали травы-эфемеры, и кочевники уходили с зимних кочевков, где они расселялись маленькими группами. Постепенно они собирались у колодцев целыми поселениями (оба), размеры которых достигали 40 и более кибиток⁴. Эти летние поселения располагались обычно в низинах между песчаными холмами, недалеко от колодцев. Крупные оба состояли из нескольких групп кибиток, куда входили родственные семейства. Часто большое оба как бы распадалось на несколько мелких поселений, разбросанных на 200—500 м друг от друга.

Скопление в летнее время на небольшой площади значительного числа хозяйств требовало рационального распределения и использования водных и кормовых ресурсов. Для этого средние хозяйства объединяли на летнее время свои стада в чекене, насчитывающие по 500—1000 голов овец. Как правило, чекене пас один пастух с подпаском (чолан и чолук), при водопое им помогал специальный человек (субчи)⁵. Пастухи выделялись попеременно хозяйствами, образо-

¹ ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 7, д. 530, л. 162.

² А. Петров. Указ. соч., стр. 27, 28.

³ ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 7, д. 547, л. 86.

⁴ Там же.

⁵ Г. Костин. Из жизни кочевья Мервского округа. Журн. «Туркменоведение», № 2, 1928.

вывавшими чекене. Баи и зажиточные хозяева не включали своих стад в объединения, а выпасали их самостоятельно. Скотоводы летом не отгоняли стада далеко от колодцев, и они паслись обычно в радиусе 12—15 км от источников водопоя. Благодаря этому, всегда можно было своевременно пригонять скот на водопой. Все это касалось главным образом овечьих стад. Верблюды не нуждались в особом присмотре и паслись самостоятельно небольшими группами в окрестностях оба¹, приходя время от времени на водопой.

Зимний период пастбы скота начинался в конце ноября и начале декабря. В это время большие летние оба распадались на отдельные скотоводческие группы, состоявшие редко более чем из 2—5 хозяйств, направлявшиеся в разные стороны в степи и в пустыню к различным колодцам². Чаше всего скотоводы предпочитали селиться в песках между дюнами, укрывавшими их от холодных ветров. Каждая небольшая скотоводческая группа имела свой постоянный зимний район пастбищ с собственным колодцем³. Пески благоприятствовали зимним пастбищам также и тем, что в них всегда можно было найти корм для скота, достаточно топлива и, наконец, пески редко покрывались ледяной коркой, мешающей скоту добывать себе пищу.

Зима была самым трудным временем для скотоводов. Кормов не хватало, и выручало только то обстоятельство, что зимой не нужно было часто поить скот и поэтому можно было гонять стада на дальние расстояния от колодцев в поисках новых пастбищ. Но перегон скота на дальние расстояния был возможен только для зажиточных скотоводов, которые располагали достаточным количеством вьючных животных.

Особенно опасными для скотоводства были сильные заморозки и снежные бураны. В такие дни от бескормицы погибало много скота. Особенно это сказывалось на овцах, быстро теряющих силы в голодное время. Сооружение искусственных укрытий для скота почти не практиковалось. Только для самых ослабевших маток делались примитивные загоны из саксаула и давался прикорм в виде соломы и зерна. Практически такие загоны мало чем помогали скоту, вынужденному самостоятельно бороться с неблагоприятными силами природы. Поэтому ахальское скотоводство под-

¹ ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 7, д. 535, л. 34.

² В. Минервин, Н. Мордвинов. Схема реконструкции скотоводческих хозяйств юго-запада Прикаспийского р-на. Журн. «Туркменоведение», № 3, 1931, стр. 11.

³ П. Гладышев. Заметки об Атеке и Кара-Куме. «Изв. Кавказск. отд. РГО», т. 7/8, Тифлис, 1882—1883, стр. 126.

вергалось каждые 4—5 лет катастрофам, в результате которых погибало до 30—40% поголовья¹.

С наступлением весны начиналось самое важное время в жизни чарва. С появлением первых трав овцы начинали ягниться. Чекене в это время окончательно распадались и каждое хозяйство самостоятельно ухаживало за скотом и новорожденными ягнятами. Стада перегонялись на лучшие пастбища, преимущественно в те районы, где от зимних дождей и таяния снегов образовывались большие естественные водоемы (каки). На этих пастбищах животные содержались до тех пор, пока каки не высыхали, а молодняк не подрастал. После этого стада опять соединяли в чекене и перегоняли на летние стоянки.

* * *

В связи с узкой специализацией туркменского скотоводства на разведении овец и верблюдов, ассортимент получаемых от него продуктов был невелик. Мясо получали обычно от овец. Наилучшим временем для убоя была осень, когда овцы нагуливали много жира. В свежем виде мясо употреблялось довольно мало, его обычно заготавливали в виде своеобразных мясных консервов на зиму (каурма). Точно так же заготавливали и козье мясо. Верблюжье мясо ели редко, так как оно жесткое и имеет неприятный привкус. Впрок верблюжье мясо никогда не заготавливалось. Вообще мясная пища была доступна только зажиточным скотоводам, основная масса средних и бедных чарва не имела возможности забивать скот для собственного потребления. Поэтому потребность в мясе покрывалась иногда за счет охоты.

Большое значение в пище туркмен имело молоко и молочные продукты. Овечьим молоком в свежем и заквашенном виде можно было пользоваться 40—50 дней в году, из него же приготавливался высушенный сыр (гурт), который практически хранился почти неограниченное время. Зато верблюжье молоко использовалось значительную часть года (верблюдица доится почти 10 месяцев в году). Из верблюжьего молока изготавливали различные продукты, среди которых следует назвать освежающий напиток (чал) и др. Если к перечисленным видам пищи прибавить еще круглую лепешку (черек), которую пекли на раскаленных внутренних стенах специальных печей (тамдыр) или прямо в золе костра (ер-черек), то этим исчерпывается весь пищевой рацион большинства чарва. Когда было свежее мясо, из него варили излюбленный туркменами суп (чорпа); зажиточные скотоводы

¹ Журн. «Туркменоведение», № 2—3, 1929, стр. 33.

покупали в оазисах рис и делали из него плов. В качестве питья, кроме чала, повсеместно применялся зеленый чай, который кипятили по нескольку раз в день.

* * *

Как вспомогательное занятие у чарва было примитивное земледелие. Русский исследователь Гладышев, проезжая в третьей четверти прошлого века через Кара-Кумы, заметил, что туркмены ведут там род «маленького оазисного хозяйства» на своих летних стоянках. Для полива огородов использовалась снеговая вода, сохраняющаяся в ямах, или вода из колодцев¹. Земледелие у чарва в основном было представлено бахчеводством. Как это видно из сообщений самых различных источников, бахчи и, в частности выращиваемые на них арбузы, играли немалую роль в снабжении населения растительной пищей².

Земледельческая техника чарва была максимально примитивной. Поверхность почвы увлажняли, после чего заостренной палкой делали дырочки, в которые клали семена. Затем посев заравнивался, и поле прикрывалось ветвями, чтобы сохранить семена от птиц. Поливов обычно не требовалось, так как корни растений достигали влажного слоя песка. Впрочем иногда применяли искусственное орошение. Выращенные в пустыне арбузы и дыни были очень высокого качества и по размерам обычно превосходили оазисные³.

Разделение труда внутри скотоводческого общества было выражено довольно слабо. Одностороннее направление хозяйства, низкий технический уровень не могли стимулировать развития ремесла и тем более не могли превратить ремесло в самостоятельный род занятий. Скотоводческое хозяйство имело многие натуральные черты: и продукты питания, и предметы первой необходимости в значительной мере вырабатывались в самих хозяйствах чарва.

Домашние промыслы скотоводов Ахала ограничивались главным образом переработкой основных продуктов скотоводства — шерсти, шкур и кожи. При этом существовало определенное половое разделение труда: мужчины обрабатывали шкуры и изготавливали кожаные изделия, особенно обувь (чарык, чокой), из шкур шили шубы, шапки, выделявали также конскую и верблюжью сбрую; обработка шерсти составляла женское занятие. Пряли верблюжью шерсть и

¹ П. Гладышев. Указ. соч., стр. 126.

² ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 7, д. 530, л. 200.

³ Ср. Ц. Г. Фрейкин. Хозяйственное освоение Кара-Кумов. Очерки природы Кара-Кумов, М., 1955.

ткали из неё высококачественную ткань для мужских халатов (чакмен). Из шерстяных ниток вязали носки, плели веревки и т. п.

Широко было распространено изготовление войлоков (кече). Они делались одноцветными и белыми для крыш юрт и орнаментированными многоцветными для полов жилищ.

Особым, распространенным в Средней Азии главным образом среди туркмен занятием было изготовление ковров. Туркменские ковры и разнообразные ковровые изделия отличались большой художественностью и исключительным качеством. Ткались ковры на весьма примитивных горизонтальных станах. Наиболее распространенными видами ковровых изделий были различные сумки (чувал, торба, хорджун), занавеси на двери юрт (энси), ковры (халы), молитвенные коврики (намазлык) и др.

Ковры изготавливались чарва по большей части для собственных нужд; так, например, в приданое женщины обязательно должен был входить целый набор ковров и ковровых изделий. По количеству ковров в юрте можно было судить относительно благосостояния ее обитателей. Но все же некоторая часть ковровых изделий попадала и на рынки, главным образом в бухарские владения, благодаря чему ахальские ковры известны на западе под именем «бохара».

Все прочие отрасли домашних промыслов у чарва не занимали большого места в их экономике. Очень слабо, например, была развита у скотоводов обработка металлов. Она ограничивалась большей частью обработкой железных заготовок и ремонтом орудий, приобретенных в оазисах. В больших оазах существовали специальные кузнецы, которые изготавливали на заказ грубые ножицы для стрижки овечьей шерсти, топоры, ножи, несложные предметы вооружения (наконечники копий, кинжалы) и т. п. Кузнецами обычно становились бедные скотоводы, вынужденные искать приработка. При этом они продолжали кочевать со своими стадами. Копание колодцев также служило приработком. Этим занимались скотоводы, имевшие по 4—5 верблюдов, 10—20 овец. За сооружение колодца они получали 1 четырехлетнего верблюда или 4—5 ягнят¹.

Как уже отмечалось, у чарва охоту можно рассматривать так же, как один из второстепенных видов занятий². Дичью служили зайцы, антилопы, дикие кошки, волки; лисы шли на мех. Охота велась обычно с собаками или соколами.

¹ Полевые записи автора за 1956 г.

² Г. Косотин. Указ. раб., стр. 74.

Наконец, одним из вспомогательных занятий было соби- рание дров. Немалое число беднейших скотоводов собирало в пустыне саксаул и затем выменивало его на продукты земледелия в оазисах.

Туркмены-скотоводы были в постоянной и довольно тес- ной связи с оседлыми земледельцами. Однако, если на пер- вый взгляд можно предположить, что текинцы-чарва были в первую очередь экономически связаны с земледельческим населением Ахала, то при более детальном изучении матери- ала оказывается, что на самом деле картина была иная. В середине XIX в. обмен между скотоводами и земледельцами Ахала был весьма ограничен. Многочисленные наблюдатели того времени упорно подчеркивают, что главные линии эко- номических связей скотоводов тянулись в Хиву, Мерв и Иран¹. Это объясняется тем, что предметами продажи чар- ва были скотоводческие продукты в обработанном виде, ли- бо скот. Взамен их скотоводы получали земледельческие продукты. Таким образом, ахальские чарва могли вести об- мен с тем населением, которое имело бы избыток земледель- ческих продуктов и нуждалось в продуктах скотоводства. Между тем оседлые ахальские туркмены и сами занимались довольно широко скотоводством и в значительной степени покрывали свои потребности в скотоводческих продуктах. Естественно, экономическая обособленность привела к тому, что скотоводы и земледельцы не имели постоянных культурных и политических связей и постепенно могли бы даже из одной группы населения превратиться в две са- мостоятельные ветви ахальских текинцев. Однако присоеди- нение Ахала к России предотвратило эту опасность: земле- дельцы и скотоводы оказались тесно объединенными в рам- ках единой экономической и политической системы.

Один или два раза в год чарва направляли свои торго- вые караваны в Хиву, Мерв и Иран. Наиболее благоприят- ным для торговых операций сезоном считалась осень, когда на среднеазиатских базарах появлялся новый урожай. По сообщению русской администрации, в августе — сентябре из степных районов тянулись большие караваны, возвра- щавшиеся обратно, тяжело нагруженные зерном, которым чарва обеспечивали себя на целый год². Караванам приходи- лось проходить через земли враждебных племен и поэто- му торговля была сопряжена с немалым риском. Из много-

¹ Ср. Н. Ю. Гродеков. Война в Туркмении в 1880—1881 гг. Т. I, стр. 76; К. Боде. Очерки туркменской земли. Журн. «Отечественные за- писки», № 7—9, 1856, стр. 69.

² ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 7, д. 535, л. 39.

численных источников известно о нападениях и разграбле- ниях мирных караванов.

Самыми близкими и удобными местами торговли для ахальских чарва были хивинские базары. Однако частые экономические и политические кризисы в этом государстве вынуждали туркмен отправлять свои караваны в Иран или на Мургаб. Во время частых восстаний туркмен Хивин- ского ханства хивинские базары бывали закрыты для ахальских чарва. Естественно, что они не могли ими поль- зоваться и в начале XIX в., когда отношения между текинца- ми и хивинцами нередко принимали характер вооруженной борьбы.

В середине XIX в. туркменский обмен протекал еще в натуральной форме. Туркмены непосредственно меняли свои скотоводческие продукты и скот на зерно, хлопчатобумаж- ные ткани, металлические изделия и оружие. По прибли- зительным подсчетам того времени, среднее скотоводческое хозяйство пускало на обмен не более 10% продуктов своего производства и скота в год¹. Зажиточные хозяйства ещё в середине XIX в. имели возможность продавать большое ко- личество товаров, накапливая взамен в виде сокровищ дра- гоценные украшения, дорогое оружие и т. п. Бедные же хо- зяйства, не располагавшие достаточными стадами, чтобы пускать на обмен сырье или скот, были вынуждены, как уже говорилось, увеличивать ценность своей продукции пу- тем ее переработки (главным образом в виде ковроделия). Результатом этого было расширение производства туркмен- ской товарной продукции и, что особенно существенно, увеличение притока денег в туркменские аулы. Однако стоимость самих денег у туркмен довольно колебалась, она находилась в зависимости от того рынка, куда туркмены имели возможность в данное время продавать свои изделия. Нередко эквивалентом стоимости выступал зеленый чай, скот и т. п.².

* * *

Одним из наиболее сложных и до сих пор мало разрабо- танных вопросов этнографии скотоводческих народов яв- ляются формы их общественной организации. Самой мелкой самостоятельной ячейкой общественной организации ахаль- ских чарва в рассматриваемое время было так называемое «бир-ата». Бир-ата состояло из группы близкородствен-

¹ ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 7, д. 529, л. 78.

² Журн. «Туркменоведение», № 2, 3, стр. 29.

ных семей, которые вели свое происхождение от одного предка—живого или уже умершего¹. Таким образом, все члены такой группы находились между собой в сравнительно близком родстве. Туркмены так и называли родство до 3—5 поколения бир-ата, то есть «происходящее от одного отца». Лица, входившие в одно бир-ата, называли друг друга «гарын даш» (родственники). Каждое бир-ата имело название по имени или прозвищу своего родоначальника. Однако, никакие экзогамные представления с бир-ата не связывались и допускались браки даже с двоюродными сестрами. Описываемые семейные группы были обычно невелики по размеру и состояли из 10—15 индивидуальных хозяйств, общая численность которых не превышала 100—200, а обычно была даже значительно меньшей — 40—60 человек².

В зависимости от численности стад и состояния ластбищ и водных источников бир-ата образовывали в летнее время большие и меньшие поселения (бир-атадан оба). При этом каждая семья селилась в отдалении от других семей. И только в неблагоприятные годы, когда было мало корма скоту и воды, члены одного бир-ата расселялись на большом расстоянии, заходя даже на территории соседних оба. Члены бир-атадан оба оказывали друг другу по обычаю различные услуги, помощь при уплате различных штрафов, а также были связаны обязательством кровной мести. Если один из членов такого объединения попадал в плен, то средства на его выкуп собирались всеми его родственниками по бир-ата³. Споры внутри бир-ата разбирались не на основе мусульманского права, а исходя из норм обычного туркменского права (адат). Все правовые вопросы в бир-ата разрешались советом глав семей — аксакалами (белобородыми). Один из аксакалов нередко из самой зажиточной семьи считался старшим в оба, и к его голосу все прислушивались. Однако в своих действиях эти старшины целиком зависели от общественного мнения и никакой личной властью не обладали⁴. Неограниченным владыкой такой аксакал признавался только в кругу своей семьи. К постановлениям совета старшин (маслахат) члены оба, как правило, прислушивались и, по сообщениям туркмен, они редко нарушались⁵.

¹ Бир-ата в XIX в. включали в свой состав часто бедняков-родственников, а также соседей и даже рабов.

² ЦГА ГССР, ф. 1. оп. 7, д. 508, л. 94; Полевые записи за 1957 г.

³ Г. И. Карпов. Материалы рукописного фонда, № 564, л. 2—6.

⁴ Н. Г. Петрусевич. Туркмены между старым руслом Аму-Дарьи (Узбоем) и сев. окраинами. Персии. Зап. Кавказского отд. РГО, кн. XI, 1880, стр. 47.

⁵ Г. Костин. Указ. раб., стр. 13.

Как уже отмечалось, каждое бир-ата разделялось на большое или малое число отдельных семей (машгала). Семьи состояли, как правило, из родительской пары, сыновей и незамужних дочерей. Полигамия встречалась, но редко и главным образом только в самых зажиточных семьях. Основной целью полигамии было создание многочисленного потомства, так как в условиях скотоводческой жизни большое количество зажиточных родственников обеспечивало прочное хозяйственное положение, всеобщее уважение и влияние на соседей. Во главе патриархально организованных семей скотоводов стояли старшие их мужчины (ага, кетхуда, ходжалык баши), обладавшие деспотической властью.

Как только сыновья женились, они по обычаю выделялись из хозяйства отца, получая часть родительского стада. В XIX в. уже не наблюдалась тенденция разделения общесемейных стад¹. Одним из проявлений хозяйственной самостоятельности вновь выделившихся хозяйств был обычай клеймения стада собственной меткой (тамга), являвшейся обычно видоизменением родительской тамги². Как правило, вновь выделившиеся семьи продолжали кочевать в одном бир-ата с родительской семьей, если этому не мешали какие-либо обстоятельства (перенаселенность оба, вражда между отдельными ее членами и т. п.)³. Богатые большие семьи нередко приобретали значительное влияние не только внутри своего оба, но и за его пределами.

У женщин в туркменских семьях было очень приниженное положение. Вместе с тем они не были так изолированы от общественной жизни, как у многих других мусульманских народов.

С наступлением старости женщина приобретала не только относительную свободу, но даже право участвовать в обсуждении семейных дел. После смерти старика—главы семьи—его место могла занять его жена.

* * *

Между бир-ата — самой мелкой ячейкой общественной организации ахальских скотоводов — и племенем существовало ещё несколько промежуточных ступеней, называемых обычно «тире», «уруг» и «тайпа». Эти специфические формы общественной организации бытовали у туркмен в XIX в., по всей вероятности, уже в пережиточной форме и имели назначение объединять в случаях военной опасности членов одного

¹ Полевые записи за 1957 г.

² То же за 1956 г.

³ То же за 1957 г.

племен. Сами же племена в это время не имели какой-либо правильной организации, и их подразделения расселялись на очень большой территории. Указанные выше промежуточные формы общественной организации скотоводов создавались по родственному признаку. Каждое из этих племенных подразделений охватывало известное число бир-ата оба, возводивших свою родословную к одному более или менее отдаленному прародителю, чаще всего легендарному. Именем этого прародителя обычно называлось племенное подразделение. Складывавшиеся в ходе исторического процесса племенные подразделения не состояли, разумеется, из реально кровно-родственных членов. Даже бир-ата включали в себя очень часто неродственные элементы. Тем более это относится к крупным племенным подразделениям. Нет сомнения, что целые тире и т. п. племенные подразделения искусственно создавались из разнородных частей, объединявшихся вокруг какого-то зажиточного и сильного ядра. Особенно часто такие явления могли происходить после войн, вражеских карательных походов и т. п., когда в ходе боевых действий распались на отдельные части старые племенные подразделения. Весьма интенсивно происходил этот процесс также, по всей вероятности, в ходе длительного переселения текинцев с запада на занимаемые ими ныне земли. Так как в условиях кочевого и полукочевого хозяйства объединение по территориальному принципу по существу невозможно, его заменяет объединение по принципу общности происхождения, хотя бы и вымышленному. То, что в племенных туркменских подразделениях объединялись далеко не родственные группы, видно из неравенства одной группы подразделения по отношению к другим. Прежде всего — это привилегированные группы, ведущие свое происхождение от чистокровных туркмен (иг), и находившиеся в зависимости от них группы потомков рабов или рабынь (кул). Частые отношения неравенства между равноценными группами объясняются, по-видимому, тем, что потомки основателя племенного подразделения считали себя по положению выше потомков присоединившихся семейных групп. Но, несмотря на наличие у скотоводов некоторых различий в положении различных групп их общества, нет оснований считать, что в рассматриваемое время у них уже выработались определенные господствующие прослойки в обществе, как, например, ак-суок казахов XIX в. или золотой улус Чингис-хана и его потомков.

Многие исследователи, изучая формы общественной организации чарва, пытались прилагать к их племенным подразделениям такие термины, как «род», «клан» и т. п., то есть

вкладывали в них определенное социально-экономическое содержание. Имеющийся материал позволяет утверждать, что тире, уруг и тайфа не составляли прочных социальных группировок и для них не характерны признаки, позволившие бы определить их как роды. Как в середине XIX в., так, по-видимому, и значительно раньше, они представляли собой объединения, отнюдь не связанные кровным родством и не имевшие не только экономической, но и культурной общности¹. Эти объединения не были связаны ни экзогамией, ни родовым самоуправлением, ни вождем, ни собраниями и т. п.

В действительности это прежде всего общественно-политические образования, функционировавшие только в случаях крайней необходимости. Точно такие же формы организации можно найти у северных туркмен и у йомудов прибалханских районов.

Тире было самым мелким племенным подразделением, охватывавшим все бир-ата, которые вели свое происхождение от одного обычно легендарного предка. Однако в ходе войн и переселений тире разбивались на отдельные локальные группы, нередко разбросанные на огромные расстояния по туркменским степям и оазисам. Отдельные локальные группы ходжа-софи, ак-софи, тильки и другие, которые когда-то представляли собой, по-видимому, компактные тире, во второй половине XIX в. оказались разбросанными по окрестностям Бахардена². О величине тире по имеющемуся материалу судить трудно. Их локальные группы состояли обычно из 40—50 кибиток. Так, например, локальная группа ак-конгур, кочевавшая в районе колодцев Молла-Курбан, состояла из трех бир-ата, из которых татман насчитывали 19, баде—12 и маш — 5 кибиток³. Такая группировка населяла нередко общую пастбищную территорию (ой), которая рассматривалась как коллективная собственность. Самое сильное бир-ата занимало господствующее положение в группе, которое проявлялось прежде всего в том, что его члены получали лучшие пастбищные участки.

Большое количество тире составляли уруг. Так, уругами являлись 4 крупных подразделения текинцев: бек, векиль, сычмаз и бахши. Так же, как и тире, уруги составляли когда-то, по всей вероятности, определенную территориальную общность. Но к середине XIX в. подразделения одних уру-

¹ Г. Е. Марков, Скотоводство у северных туркмен (рукопись); Он же. Скотоводство и общественная организация северобалханских туркмен. Вестник Моск. ун-та, № 4, 1958.

² ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 7, д. 529, л. 90 и др.

³ Там же, д. 530, л. 226.

гов жили вперемешку с другими уругами. То же самое относится и к еще более крупным подразделениям теке—отделам (тайпа) отамыш и тохтамыш.

* * *

Как и у всех других кочевых народов, у чарва Ахала имущественная дифференциация развивалась на базе неравного распределения основных средств производства: скота, земли и воды.

Скот у туркмен был частной собственностью уже очень длительное время. Имущественные различия у ахальских туркмен в середине XIX в. были весьма ощутимы, хотя и не так сильны, как у других скотоводческих народов Средней Азии. Как уже говорилось выше, стада скота в Кара-Кумах были не особенно велики, и поэтому имущественное различие было не очень заметно. Ведь чарва, располагавшие 500—600 головами овец и стадом в 60 верблюдов, считались весьма богатыми скотоводами¹. Настоящие баи появились в этих районах главным образом уже после присоединения Ахала к России. Середняками считались хозяева, имевшие примерно 120 овец и 20 верблюдов. Такое стадо еще гарантировало хозяйственную независимость его владельцу, но уже не могло считаться стабильным, так как даже небольшой падеж скота превращал хозяйство в бедняцкое. Экономически слабыми хозяйствами, а таких было большинство, считались те, которые имели примерно 10 верблюдов и 60 голов овец. Уже такое неравенство в распределении скота создавало условия, правда, в рассматриваемое время еще только потенциальные, для возникновения антагонистических классов. Весьма распространенными отношениями между зажиточными и бедными скотоводами были так называемые «саан», по которым бедняк, не располагавший достаточным стадом для самостоятельного кочевания, нанимался в пастухи к зажиточному скотоводу. Когда в отношении саан вступали хозяйства из одного тире или бир-ата, это носило форму родственной взаимопомощи (комек), хотя на самом деле было эксплуатацией. На зажиточного хозяина работал в таких случаях, как правило, не только глава бедной семьи, но и все ее члены. Несмотря на то, что отношения саан имели определенно эксплуататорский характер, они обычно не приводили к прочной зависимости бедняка от хозяина. За свою работу бедняк получал плату молодняком и рано или поздно ему удавалось все же собрать такое стадо,

¹ А. Петров. Указ. раб., стр. 31—40.

с каким он мог начать вести самостоятельное хозяйство. Таким образом, в то время личная свобода и независимость бедняка еще не подвергались особой опасности, тем более, что по обычаю отношения саан заключались не более, чем на один сезон¹.

Весьма своеобразная форма коллективной эксплуатации возникала в тех случаях, когда группа средних скотоводов создавала объединение (чекене) из 500—1000 голов овец и для их пастбы вступала в отношения саан с одной или несколькими хозяйствами бедняков. Условия такого использования труда бедных скотоводов не отличались от описанного выше.

Из имущественного неравенства вытекал также обычай отдачи скота на выпас (бакарна). Бедняки получали от зажиточного скотовода небольшое стадо, которое обязывались впоследствии возвратить в целости, а приплод делился пополам². В неблагоприятные годы, когда был падеж скота, и бедняк не мог возвратить хозяину целиком стада, он и его семья становились экономически зависимыми и должны были работать на хозяина до того времени, пока не будет выплачена вся стоимость погибших животных. В этом, между прочим, состоит принципиальное отличие института бакарна от саана.

Хотя скот являлся существеннейшим фактором, от которого зависело богатство скотовода, но он был не единственным, определявшим социально-экономические отношения в скотоводческом обществе. Не менее важным средством производства были пастбища.

По традиционным представлениям туркмен, пастбищные пространства были естественным богатством, принадлежавшим всем. Эти традиции находят параллели и в обычаях оседлых земледельцев, которые считали, что необработанная земля не имеет хозяина. Земля имеет ценность только тогда, когда она орошена. Но так как пастбища имеют цену только тогда, когда есть источники водопоя, то в этом отношении туркмены имели вполне конкретные представления о собственности. Основой пастбищных территорий в Ахале являются такыры, на которых располагаются колодцы. Такыры с колодцами и прилегающие пастбища туркмены называют «ой», «юрт». Большая часть таких такыров находилась во владении отдельных семей или подразделений тире. При этом среди ахальских чарва уже издавна было принято присваивать себе хорошие пастбища насильственным обра-

¹ ЦГА ТССР, ф. 7, д. 535, л. 38; ф. 127, д. 2; л. 3; Г. Костин. Указ. раб., стр. 47.

² ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 7, д. 535, л. 38.

зом¹. Самые сильные племенные подразделения располагали самыми большими и доброкачественными пастбищами. Известна, например, многолетняя вражда между группами конгур и аманша за один такыр². Каждый член семейной группы или тире имел право на пастбища своего племенного подразделения. Посторонние скотоводы могли пользоваться таким пастбищем только с разрешения его хозяев. Им могли позволить вырыть там даже колодец, но по обычаю этот колодец переходил через год в собственность владельцев такыра. Относительно дальнейшего использования такого колодца следовало заключать новое соглашение и его строители могли пользоваться им только за плату. При этом владельцем такыра выступала не отдельная семья, а все племенное подразделение, сообща им владевшее.

Большая часть средних по зажиточности скотоводов пользовалась коллективно вырытыми колодцами. Обычно 2—5 хозяйств сооружали себе несколько колодцев (2—6). Богатые скотоводы строили собственные колодцы. Так как они имели средства для сооружения более глубоких колодцев, служивших им в засушливые годы. Большинство колодцев носило обычно имя своего хозяина. Бедные скотоводы, как правило, не строили собственных колодцев, даже коллективно, так как, не располагая достаточным количеством скота, они не могли правильно эксплуатировать колодцы, и те постепенно засолялись.

Экономически слабые хозяйства и в области водопользования были вынуждены обращаться к зажиточным хозяевам. По обычаю эти хозяева должны были предоставлять беднякам возможность поить скот из своих колодцев причем бесплатно. По сообщениям информаторов, так обычно и делалось, но при этом надо принять во внимание, что большинство бедняков находилось с богатыми хозяевами в отношениях саан и поэтому свободно пользовалось их колодцами. Число же бедных независимых хозяйств было очень невелико.

Таким образом, развитие имущественного неравенства и неравенства социального шло у ахальских чарва не только на почве неравного владения скотом, но и в сфере различий в использовании средств производства. Более сильные племенные подразделения, а внутри них самые зажиточные семьи захватывали лучшие пастбища и строили там колодцы. Старинные традиции пастбищных территорий оказа-

лись нарушенными. Однако захват основных экономических позиций богачами маскировался племенными традициями, и рядовые скотоводы протестовали против захвата их пастбищ только в тех случаях, когда они осуществлялись соседними племенными подразделениями. Открыто классовые противоречия у ахальских скотоводов стали проявляться уже позднее, в следующий исторический период.

ГДР, Лейпциг, 1959 г.

¹ Г. И. Карпов. Указ. соч., стр. 5.

² ЦГА СССР, ф. 1, оп. 7, д. 508, лл. 1, 10, 88.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
6	2 снизу	А. А. Дмитриев-Кавказский	А. Е. Дмитриев-Кавказский
13	2 "	Туркмении VII—XI вв.	Туркмении VII—XIX вв.
65	5 "	Гирфельд	Гиршфельд
139	4 сверху	женщины ребенка	женщины и ребенка
209	20 "	охраняет шайтана	охраняет от шайтана
240	7 снизу	„патрониями“	„патронимиями“
242	11 "	посев	посево